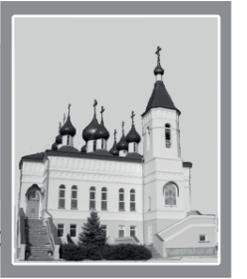

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Понятия «много» и «мало» – это величины относительные. Иван Андреевич Крылов в Английском клубе, как утверждают современники,

Слово пастыря

съедал бараний бок с кашей, галстука не развязав. Потом крестился на иконы и говорил: «Много ли человеку надо?» А ведь этой порции трем взрослым мужчинам с избытком... Много ли у меня здоровья, сил, денег? Это смотря на каком фоне. На ином фоне я – полный здоровья и сил богач, на ином – нищий доходяга. «Много и мало», повторяю, величины относительные. Куда точнее понятия «достаточно – недостаточно», «хватает – не хватает». Но мы вернемся к относительному. Вот много ли нужно (и чего?), чтобы быть несчастным?

Думаю, что нужно много мечтать и не замечать совпадения мечты с реальностью. Тогда несчастье заходит в душу, как «воздух в комнату квадратом». Еще, чтобы быть несчастным, нужно со скорбью смотреть на чужой успех: чужой команды, чужой страны, чужого мужа... Так мало нужно, чтобы быть несчастным, и так легко им быть.

Интересно, что для того, чтобы быть счастливым, мало просто «не быть несчастным». Отсутствие болезни, уголовного преследования, наличие жилья, семьи, здоровья еще не делают счастливыми множество людей. Те просто невнимательны и неблагодарны и не оценивают должно то, что имеют. Чтобы быть счастливым, нужно иметь в достаточном количестве всего, чего угодно душе, плюс – благодать. Благодать Божия делает сердце благодарным, а глаз внимательным. Зачем об этом говорить? Затем, что всем желательнее быть счастливыми, все счастья ищут, но мало кто находит его и крепко берет в руки.

Великое счастье – видеть вокруг себя многих людей, которые лучше тебя само. Ты смотришь на них, видишь их лучшими, но не завидуешь, а радуешься. Тот смелее, тот трудолюбивее, тот терпеливее, этот образованнее. Это тихая красота – созерцание чужих превосходств без зависти! И еще для счастья необходимо, чтобы правильная мысль вошла в сердце глубоко, словно якорь в глубину морскую. Вошла и там осталась. Все, кто шел по жизни прямо и честно, имели такую мысль в сердце. Да и не одну.

Мне, например, сейчас совсем не весело. Но ко мне приходит мысль, маленькая, как капсула с шифровкой. Я пинцетом аккуратно разворачиваю тонкую папиросную бумагу и расшифровываю мысленное послание:

«Ты сотворил меня, Господи, и в каждой капле крови моей, со всеми эритроцитами, гемоглобином, лейкоцитами, премудрости и информации больше, чем в библиотеке Ватикана. Волосы мои тобою посчитаны, а капилляры и вены, если бы сложить их в нить, вытянулись бы на сто тысяч (!) километров. Я уже молчу про ухо и глаз, про мозг и сердце. Это всё – живое чудо высшей степени сложности. Вот такой я сложный и есть, и это – Твоих рук дело. Когда Ты меня (равно как и всякого другого) сотворил, Ты сделал дело невероятной премудрости. Сжался теперь, Отец. Ведь Ты уже сделал большое, сделай же теперь нечто маленькое. Большое – это то, что я был зачат, выношен, рожден. То, что я умею читать и способен молиться; то, что я жив до их пор и вот пишу эти строки. Всё это – большое чудо. А ма-

ленькое – это все нужды мои в земле изгнания, которые Ты утоляешь. Это все боли мои и печали внутренние и теснота внешняя, от которых без Тебя мне не избавиться. Неужели Ты не можешь в этом малом? Создатель звезд и морей, неужели Ты откажешь мне в стакане молока или в нужной сумме денег? Я не верю в Твой отказ, но верю в Твою помощь. Огромное и ничтожное, малое и великое в руках Единого».

Так заканчивается шифровка, и, пробежав по ней благодарным взглядом, я утешаюсь.

Теперь несколько времени я буду счастлив, потому что правильная мысль пошла в глубину и, как якорь в песок, зарылась на дне сердца. Теперь еще я думаю, что для того, чтобы быть несчастным, нужно помнить о смерти, но не иметь веры в ее победителя по имени Иисус. Для счастья же, напротив, не стоит бояться мысли о смерти и о том, что всё кажущееся незбытым улетит пылью по ветру. Стоит только надеяться на милость Христа, помнить Его крестную муку и Его Престол славы за гробом.

«Христос столько доброго сделал мне в этой сумрачной жизни. Чего ради, если я не откажусь от Него, Он откажет мне в милости в ином и лучшем мире? Творящий малое почему и здесь не сотворит великое, если Он уже дал мне веру? А что есть вера, как не ключ от дверей, за которыми милость?»

Это текст предыдущей шифровки, которой я утешался не так давно и теперь привел ее на память. Спаситель мой чужд зависти и жадности. Залог Его щедрости – все дары, которые были до сих пор.

Но если я заговорю об этом с кем-то, а собеседник спросит в ответ: «А что такого сделал мне Христос?», – то нужно будет прекратить разговор. Всякий человек, с уст которого слетает или в сердце которого шевелится вопрос: «Что сделал мне Христос?», – идет в сторону, противоположную счастью. В эту сторону не надо ходить. Там будет плач и скрежет зубов.

Счастье может стоять перед человеком на расстоянии вытянутой руки или брошенного тяжелого камня. То есть очень близко. А рядом на том же расстоянии, скорее всего, стоит человек, нуждающийся в нашей помощи. Если мы рванемся с ускорением в сторону счастья, оно отойдет от нас с нашей же скоростью на прежнее расстояние. Но если обратимся к ближнему с радостью, оно само приблизится и окутает нас. «Забывай себя и найдешь покой», – говорит мне сердце. Я согласен киваю сердцу, но хмурюсь, потому что знаю, как плохо у меня это получается.

Посреди земли сухой под стоящим в зените солнцем, пекущим затылок, я – беглец из Египта и странник в землю, текущую молоком и медом, – сижу и в который раз думаю о счастье. И о чем еще думать человеку? Одна мысль сегодня пришла ко мне, другая из прежних вспомнилась. Это всё на сегодня. У грешника не бывает много хороших мыслей. Их мало, и сами они малы, словно капля в том самом море, в глубину которого якорь вошла и опустилась память о Сотворившем большое и малое.

Протоиерей Андрей Ткачев

Вопросы священнику

Своему воцерковлению я обязан молодому священнику о. Андрею. Именно благодаря ему и его матушке Наталии, точнее, через них Господь открыл для меня Православие. Мы с о. Андреем стали хорошими друзьями и я делился с ним самым сокровенным. Однако враг рода человеческого разбил эту семью, в которую затесалась одна молодая прихожанка и со-
вратила батюшку на грех прелюбодеяния. От этого греха родилась девочка. Батюшка, к сожалению, не раскаялся и его лишили сана. Он уговорил меня стать крестным его внебрачной дочери и я не в силах был отказаться. Теперь меня мучает совесть за то, что я абсолютно не желаю видеть этих людей в своем доме. За крестницу, безусловно, молюсь, но с кумовьями общаться не хочу...

Вы добровольно породнились с этими людьми, а теперь хотите оттолкнуть их за грех, о котором вы знали раньше. Тяжелое положение священника, лишившегося сана, но гораздо хуже у того, кто блудодействует и при этом литургисает. Откуда вы знаете, что принесет вам завтрашний день? Если отойдет благодать, то каждый человек может пасть в грех. Поэтому, не одобряя их жизни, покройте их милостью.

В московском храме Николая чудотворца в Кузнецких разрешается подавать записочки с именами некрещенных, в неверии или в иноверии умерших наших сродников для молитвы пред иконой мученика Уара. Вы считаете, что надежды нет никакой, а разве в Акафисте за единоумершего мы не говорим всякий раз: «Иисусе, союз любви положивший между мертвыми и живыми; Иисусе, да послужат подвиги любящих во спасение рабу Твоему; Иисусе, услыши его вопль сердечный, возносимый нашими устами; Иисусе, в наших слезах прими его покаяние...» Господь видел и видит сердце и помыслы каждого человека и ждет от него ПОСТУПКА. И участь человека решает только Господь, мы же можем только просить. Просить неотступно. Мне кажется, что теперь только от нашей любви, от наших дел, от наших молитв зависит участь тех, кто нам дорог.

Неверующим, и вообще тем усопшим, кто остался вне Церкви, можно помочь личной молитвой и милостыней, но это будет неким облегчением, утешением, но не спасением как вечным богообщением. Здесь два, противоположных друг другу, заблуждения: 1) что нельзя помочь никому из усопших, как думают протестанты, и поэтому у них нет заупокойных молитв; 2) не менее опасное заблуждение – что возможно спасти любого человека без его веры и нравственного содержания, только одной молитвой.

Вы пишете о любви; но кто может любить больше, чем Христос? А сама Любовь сказала, что на Страшном Суде грешники будут осуждены на вечные муки: «Идите от Меня проклятые в огонь вечный... и пойдут сии в муку вечную». Неужели вы больше любите людей, чем Христос? Хотя у некоторых сектантов есть такие притязания, например, многоженец Мун гово-

рит: «Я более добр и милостив, чем Христос». Считаете ли вы слова Христа истиной, или хотите обмануть самого себя?

Возьмите Четы-Минеи святого Димитрия Ростовского и прочитайте житие мученика Уара: там нет ни слова о том, что родные Клеопатры были язычниками, а только то, что святой Уар своей молитвой избавил их от вечных мук. Там же нет сведений, что сын Клеопатры Иоанн не был крещен. Здесь модернисты желаемое выдают за действительное – это их вторая профессия. Что касается канона мученику Уара, то там также нет молитв за язычников и иноверцев, но содержатся некоторые косвенные намеки, которые могут ввести православных в недоумение. Поэтому надо знать, что этот канон составил главный лидер русских экуменистов митрополит Никодим (Ротов) в 70-ые. А мученику Уару читался другой канон, который помещен в месячных минеях. Литургическим преданием считаются богослужебные тексты, принятые всей Церковью, а не творения модернистов.

Что касается акафиста «о единоумершем», то там нет также никаких молитв о неверующих или еретиках. Надо иметь особую способность – видеть то, что хочется видеть. Надо сказать, что этот акафист написал патриарх Сергей для келейного чтения, а не для богослужения.

Что касается храма в Кузнецках, то нарушение церковного Предания является самочинием и грехом, а не проявлением христианской любви, которая неотделима от истины. Обновленческий епископ Евдоким, отслужив заочное погребение по Владимиру Ульянову, сказал в проповеди о том, что этот разрушитель церкви, превзошедший Диоклетиана, был христианином именно потому, что исполнил на деле то, во что мы верим, но не исполняем, что Ульянов боролся за освобождение угнетенных и за счастье народа. Согласны ли вы с такой обновленческой любовью?

Апостол Павел предупреждает: «Будет время, когда здравое учение принимать не будут, но по своим прихотям буду избирать себе учителей, которые льстили бы слуху, и от истины отвратят слух и обратятся к басням». В послании Коринфянам Апостол Павел пишет, как бы отвечая на ваш вопрос: «Не обманывайтесь, ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники царствия Божия не наследуют».

Как видите, апостол Павел называет обольщенными тех, кто увлекается ложной надеждой на то, что по любви всё будет прощено. Те, кто проповедают такое учение, становятся не только обольщенными, но и обольстителями. Один из грехов против Духа Святого, по учению Церкви, – это ложная надежда на милосердие Божие, которым злоупотребляет грешник, обманывая себя, что Бог без покаяния и трудов всё простит ему. Этот грех, отрицающий правосудие Божие и истинность Божественных слов, не прощается ни в этом, ни в будущем веке.

P.S. Более подробно можете прочитать в моей книге «В поисках истины» и в ответе на брошюру Зайцева, имеющихся на сайте (книгу отца Рафаила (Карелина) «В поисках истины» можно скачать на сайте Покровской церкви в разделе «Библиотека» – прим. ред.).

Архимандрит Рафаил (Карелин)

«Не оставляй молитвы, ибо как тело, лишаемое пищи, ослабевает, так и душа, лишаемая молитвенной пищи, приближается к расслаблению и мысленной смерти».

Святитель Геннадий Константинопольский

«Ветро незабудок» и другие рассказы Александра Богатырева

Продолжение. Начало в № 7 (400)

– Йыхве. Пассажиры, выходим. Йыхве. Стоянка две минуты, – навстречу мне шла по проходу высокая полная проводница. Пришлось вжаться в спинку кресла. Мы с трудом разминулись.

– Йыхве, Йыхве, – громко объявляла она, продолжая следовать в конце вагона.

Йыхве... Удивительно устроена голова и то, что в ней происходит. Я смотрю на табличку, состряпанную моей приятельницей. На сером фоне большими темно-красными буквами написано: «Эх, ты!»

Это адресное обращение к ее мужу. С некоторых пор он перестал выходить из дому. Целыми днями сидит у телевизора, курит и пьет чай с часовым интервалом между чаепитиями. Его невозможно упрямить прогуляться с собакой или спуститься в булочную, находящуюся в их же доме, рядом с соседним подъездом. Что-то стряслось с моим другом. Он не может переступить порога своей квартиры. Недавно смог. Его отвезли в больницу. Табличка с надписью «Эх, ты!» криво вставлена между томами Диккенса и Лескова на книжной полке в прихожей...

А мой духовник нередко произносил «эх, вы!», глядя с укоризной на кого-нибудь в толпе исповедников. И многие думали, что батюшка вздыхал о них лично, и спешили вспомнить утаенные во время исповеди грехи. «Эх, вы!»...

«Эх ты!» не очень похоже на Йыхве, но я вспомнил Йыхве и все, что связано с этой топографией.

Йыхве. Странно звучит для русского уха это эстонское название. Но многим питерцам (бывшим ленинградцам) оно хорошо знакомо. С Балтийского вокзала на таллинском поезде ехали до этой станции православные граждане. От Йыхве до Куремяэ на автобусе. А в Куремяэ... Это нужно было видеть. Русские люди выпрыгивали из автобуса и начинали истово креститься и кланяться на святые каменные ворота с деревянной звонницей, увенчанной крестом. А за звонницей были видны кресты пятиглавого собора, возвышавшегося над высокой каменной оградой.

Пюхтицкий монастырь не похож ни на какой другой православный монастырь. Все в нем построено в русском стиле, но с какой-то европейской прививкой. Какая-то малообъяснимая, но несомненная особенность была во всем: и в самой архитектуре, и в организации пространства, и в высоких подклетах из больших валунов, на которых стояли монастырские постройки. Даже цветочные клумбы (а они были повсюду) были необычными.

В конце семидесятых годов в коренной России было лишь два действующих монастыря: в Троице-Сергиевой лавре и в псковских Печорах. В остальных монастырях были в лучшем случае музеи, а в большинстве – тюрьмы да психиатрические лечебницы. В Эстонии Пюхтицкий монастырь сохранился чудом. В тридцатые годы его миновала участь русских монастырей, поскольку Эстония была независимым государством и там церковью не ломали. А в хрущевские гонения на Церковь тогдашнему архиепископу Таллинскому и Эстонскому Алексию (будущему патриарху Алексию II) удалось сделать немалое. Он оповестил мировую церковную и политическую общественность о планах коммунистов закрыть монастырь. Началась бурная протестная кампания, и Пюхтицкий монастырь отстояли.

Мы задержались на остановке. Справа возвышались двухэтажное деревянное здание и деревянная кладбищенская церковь, окруженная ухоженными могилами с одинаковыми крестами. Слева за деревьями просматривалась поляна, обрамленная темной кромкой леса. Перед нами широкая грунтовая дорога коротким извивом вбегала в раскрытые монастырские ворота. А за воротами... Это еще предстояло разглядеть, но храм и море цветов были хорошо видны.

Наши соседки по вагону ехали дальше. У них была особая цель: добраться к отцу Василию в Вакнарву. Прощались они с нами, как с любимыми родственниками. Трудно было узнать в улыбающейся пожилой женщине ту самую хмурую бабулю, которую я тщетно пытался разговорить в вагоне.

Она вышла с внучкой на той же станции Йыхве. Сначала

они старались приотстать от нас, пока мы шли от железнодорожной станции к автобусной. Но как только бабуля разглядела нашего болящего сына, поняла, что совместное путешествие продолжится, и мгновенно переменялась.

– Так вы, наверное, к отцу Василию? – она широко улыбнулась, засвидетельствовав большую нелюбовь к стоматологическому искусству. Сверху у нее сиротливо торчали, как у зайца, два желтых зуба. Снизу зубов было побольше.

– Сначала в монастырь. В Пюхтицы. А потом – к отцу Василию, – я тоже улыбнулся.

– Вам к нему, а не в монастырь нужно, – решительно заявила она, кивнув на нашего сына. – Хотя окунуться в источнике неплохо. Окунитесь – и сразу к отцу Василию – в Вакнарву. Это недалеко. Полчаса езды.

Уже сидя в автобусе она рассказала нам о чудотворце-бабушке, к которому на отчитку приезжают бесноватые со всей страны. Они с внучкой едут к нему в третий раз. Она наклонилась ко мне и заговорщицки прошептала:

– У Оленьки моей испуг.

Признаться, я не понял, что она имела в виду. Но бабуля поспешила разъяснить. Она прочла мне лекцию о хворях, не поддающихся современному врачеванию, потому что дело не в болезни как таковой, а в бесах. Рассуждая о коварстве врага рода человеческого, она рассказала мне историю своей внучки. Заодно представилась: «Я – Марфа Марковна. Нынче таких имен не дают. Так что не спутаешь». Имя действительно достойно персонажа какой-нибудь пьесы Островского. Но я стал пространно рассуждать об именах и о том, как красивы и благозвучны ее имя и отчество. У меня в классе было шесть Саш, восемь Вов, четыре Наташи и ни одной Марфы.

Марфа Марковна осталась довольна моими рассуждениями. А история ее внучки Оленьки такова.

Отец бросил ее с матерью, дочерью Марковны, когда Оленьке не было и двух лет. Мать горевала недолго и завела себе друга. Тот оказался адептом какого-то восточного учения. Пожила она с ним год-другой и, по слову Марковны, «совсем улетела в глубокую лужу». С матерью вообще перестала разговаривать, сидела часами со стеклянными глазами поджав под себя ноги, читала какую-то «Агню-гу», (очевидно, Агни-йугу), а потом вообще исчезла вместе с внучкой. Лет десять не подавала о себе никаких вестей. Обращалась Марковна и в милицию, и к экстрасенсам. Наконец узнала, что дочь с любовником живет на Алтае. Там несколько питерцев облюбовали себе тихие места и жили «в согласии с природой». С властями как-то ладили. Особых нареканий на них не было, но за ними приглядывали. Попытки увлечь местное население светом их откровения успеха не имели. Самых прытких хотели за тунеядство посадить, так они, оказывается, работали. Дочь в библиотеке устроилась, а хахаль ее – в колхозной конюшне. А он до лошадей сам не свой. В Ленинграде деньги платил большие, чтоб на конях покататься, а там и лошади бесплатные, да еще ему и платили. На письма дочь не отвечала, а два года назад Марковна узнала, что она померла. Письмо пришло от незнакомой женщины. Она сообщила, что дочка Ларисина живет у нее и хочет вернуться к бабушке. Если Марковна захочет, то может ее забрать к себе. В тот же день Марковна полетела в Барнаул, а потом до Бийска и дальше в горы по знаменитому Чуйскому тракту. Нашла она нужный адрес. Село оказалось старообрядческим. Народ крепкий. Но доброта у них какая-то особая. Женщину эту, приютившую ее внучку, бабу Гликерию, даже на год от молитвенного собрания отлучили за то, что никонианское дитя в дом взяла. Да еще от матери-язычницы! Целый год земляки не общались с бабой Гликерией. А потом вдруг словно опомнились, стали всем миром ей помогать. Оленьку полюбили. Она кроткая. Двумя перстами стала молиться. А читает псалмы – чистый ангел. Стала она им на их службах читать. (Вот так объяснилось, почему она мне в поезде сказала: «Спаси Христос!»)

А претерпеть Оленьке пришлось немало. Сожитель ее матери стал к ней приставать. Убежала она от него среди ночи в одной рубашке по снегу. Забежала в избу к бабе Гликерии. Дай ей Бог здоровья! А того аспиды так и не поймали. Исчез. А вот у Оленьки испуг начался: по ночам кричит, в обморок падает часто.

Слушая Марковну, я украдкой поглядывал на Олю. Ее время от времени передергивало – сильная судорога пробежала по телу. Она вытягивала вверх подбородок и шумно втягивала в себя воздух, словно кто-то сжимал ей челюсти.

– Вся надежда на отца Василия, – продолжала Марковна. – После его отчиток Оле лучше. На несколько месяцев. Но в го-

роде такого нахватаешься... Батюшка говорит, что ей надо при нем жить с годик. А потом в монастырь, чтоб защита была на всю жизнь.

Признаться, до Марковны я подобных историй не слыхал. Она обвиняла человека, погубившего ее дочь, даже не в том, что он виновен в смерти Ларисы и посягал на ее малолетнюю внучку, а в том, что он «напустил бесов» в Оленьку. В те годы я знавал многих любителей восточных учений. Даже в Извару, в имение Николая Рериха, как-то заехал. Сам я этим делом не увлекся, но и не осуждал рериховцев. Мне и в голову не приходило, что их можно заподозрить в контактах с бесами. Скажи мне тогда об этом – я бы, пожалуй, посмеялся над «суверием православных, присвоивших себе монополию судить о неизвестных им духовных практиках». К религии я относился тогда скорее как к культурному феномену. Ну и политическому. За веру в Бога можно было пострадать. Организаторов религиозных объединений и распространителей христианской литературы сажали в лагерь. В 1980 году выслали из России Татьяну Боричеву с Татьяной Мамоновой и Юлией Вознесенской. Их отправили в ссылку за создание женского христианского движения и проведение на частных квартирах православных семинаров. Сам я на них не бывал. В церковь зааживал редко: лишь по большим праздникам. Мои друзья вели беседы, далекие от религиозных тем. Рассказывали анекдоты про «Софью Власьевну» (так мы называли советскую власть), ходили по мастерским художников-авангардистов да обсуждали труды Солженицына, Варлама Шаламова и прочих авторов, записанных этой «Софьей Власьевной» во враги.

Так что монолог Марковны был мне в диковинку и прослушал его я с большим интересом. Уже из отходившего автобуса Марковна крикнула, чтобы мы не задерживались в монастыре, а поскорее приезжали в Вакнарву к отцу Василию.

Так и получилось. Из монастыря мы уехали на пятый день. Но четыре дня, проведенные в Пюхтицах, – одно из самых ярких впечатлений моей жизни.

Распрощавшись с попутчиками, мы прошли через святые ворота и оказались, безо всякого преувеличения, в ином мире. Мире поразившей нас красоты и гармонии. Великолепный храм, море цветов, монахины в длинных, до самой земли, одеяниях. Молодые монахины передвигались с какой-то легкостью, будто не касаясь земли. Они не смотрели по сторонам и не разглядывали тех, кто шел им навстречу, а приветствовали встречных низким поклоном. Так же, не поднимая головы, отвечали на приветствия.

К нам подлетела – именно подлетела – девушка в ситцевом платье в мелкий цветочек и легкой белой косынке, ласково улыбнулась и сказала, что нужно прежде всего благословиться у матушки Варвары. Мы последовали за ней к дому настоятельницы.

Матушка настоятельница сидела на скамейке с монахиней в белом апостольнике. (Название это, как и многие другие термины, не имевшие хождения в советской действительности, я узнал позже.) Обе монахины были неправдоподобно белолицыми. Человек в миру либо загорит, либо ходит с лицом, на котором зримо отпечатались следы греха, заморской косметики или долгого пребывания на улицах современного города. Лица же этих женщин свидетельствовали о чистоте. У настоятельницы было доброе, очень простое лицо. Вторая же оказалась мне образцом женской красоты. Они сидели словно сошедшие с полотна Нестерова посланницы Святой Руси.

Настоятельница спросила нас, откуда мы и чем занимаемся в миру, внимательно с сочувствием посмотрела на нашего сына. Потом обратилась к девушке, приведшей нас к ней:

– Танечка, отведи их на горку.

Эта Танечка сейчас мать Серафима, настоятельница Иоанновского монастыря, где покоятся мощи Иоанна Кронштадтского, а монахиня, сидевшая рядом с матушкой Варварой, матушка Георгия, – настоятельница Горненского монастыря в Святой Земле.

Я до сих пор не перестаю удивляться тому, что первыми монахинями в моей жизни оказались такие замечательные подвижницы.

Танечка провела нас на горку. Мы прошли мимо храма, могилы князя Шаховского, принявшего большое участие в строительстве монастыря, и вошли в «дом на горке» с тыльной стороны. Нам предложили просторную комнату со сводчатым потолком и десятком кроватей.

Танечка пообещала, что соседей у нас не будет.

Продолжение следует

Отметим

Сказал авва Исаия: «Кто понимает и исполняет слова Писания по своему разуму, настаивая упорно, что именно так должно понимать и исполнять их: тот не ведает славы и богатства Божиих. Напротив, тот, кто, и понимая, говорит: «Не знаю с точностью слова Божия, потому что я ограниченный человек», – тот воздаст славу Богу. В нем будет обитать слава Божия соответственно его преуспеянию и смиренномудрию».

«Не открывай помысли твоих пред всеми, чтоб это не послужило причиной преткновения для ближнего твоего».

«Язык твой да упражняется в словах Божиих разумно, – и ложь отбежит от тебя».

«От любви к славе человеческой рождается ложь».

«Страх Божий возрастает и усиливается в сердце того человека, который отражает от себя славу человеческую смиренномудрием».

«Не ищи дружбы с славными мира, чтоб слава Божия не погасла в сердце твоём».

«Кто ведет себя лукаво в отношении к брату своему, тот не возможет избежать печали сердечной».

«Не оставляй молитвенного правила, чтоб не впасть в руки врагов твоих».

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

16 июл., вс. – Неделя 6-я по Пятидесятнице. Перенесение мощей свт. Филиппа, митр. Московского и всея России, чудотворца. Мч. Иакинфа. Свт. Василия, еп. Рязанского. Блгвв. кнн. Василия и Константина Ярославских.

17 июл., пн. – Свт. Андрэя, архиеп. Критского. Стратотёрпцев царя Николая, царицы Александры, царевича Алексия, великих княжен Ольги, Татианы, Марии и Анастасии. Блгв. вел. кн. Андрэя Боголюбского.

18 июл., вт. – Обрётение честных мощей прп. Сэргия иг. Радонежского.

19 июл., ср. – Собор Радонежских святых. Прп. Сисоя Великого. Обрётение мощей прав. девы Иулианы, кн. Ольшанской. Прп. Сисоя, схимника Печерского.

20 июл., чт. – Прпп. Фомы, иже в Малёи, и Акакия, иже в Лёствице. Прп. Евдокия, в инокинях Евфросинии, вел. кн. Московской. Мц. Кириакии.

21 июл., пт. – Явлёние иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани. Вмч. Прокóпия. Блж. Прокóпия, Христа ради юродивого, Устюжского чудотворца.

22 июл., сб. – Сщмч. Панкратия, еп. Тавроменийского. Свт. Феодора, еп. Едесского. Прп. Иоанна Пещёрника. Прп. Феодосия Едесского.

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!